

1 1 АВГ. 1989

Литературная газета
г. Москва

ПЕРВЫЙ ломтик от каравая беседы... американские впечатления. Несколько неожиданно, так как мы сидим в здании Союза кинематографистов Киргизии в столице республики и, казалось бы, естественнее начать разговор о чем-то местном, более близком. Но Чингиз Торекулович Айтматов недавно возвратился из Соединенных Штатов, где в качестве почетного гостя выступал на заседании специального комитета ООН по проблемам борьбы с расовой дискриминацией в Южной Африке. Высказал недоумение: США не были представлены на заседании деятелями культуры.

В этом почтенном собрании советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР говорил о том, что надо создать атмосферу всеобщего осуждения расизма как уродливого явления современности. Нельзя оставаться равнодушным, следует вторгаться, ибо это не только и не столько «внутреннее дело» властей Претории, а проблема общечеловеческая.

Его пригласили выступить по американской тихоокеанской радиостанции «Пасифик». И тут он повторил и развил ранее высказанные мысли: что в истории человечества бывают временные, нездоровые периоды, когда как-то терпится нетерпимое, а теперь расовая дискриминация должна исчезнуть хотя бы уже потому, что она препятствует нормальному общению людей на Земле. Не может долго держаться система, приносящая страдания миллионам людей, ее нельзя ничем спасти, а тем более увеночить.

Так он «вторгся» с этой проблемой не только в Южную Африку, но и в американское общество. В специальном комитете международной организации советский оратор получил полную поддержку, в радиослушатели, которые по ходу выступления имели возможность задавать вопросы, приняли своего рода «контрнаступление», спрашивая о положении «нацменьшинств» в Советском Союзе. Ясно, что прием не нов — с большой головой на здоровую взваливать научились многие. Но все же надо было спокойно объяснить. И он сказал: «Я как представитель — придерживаясь заданной терминологии — нацменьшинства в данном случае — киргизского народа, никак не чувствую своего «меньшинства». Посудите сами: мои книги выходят в нашей стране огромными тиражами, и в этом я, пожалуй, не то что «отстаю», а, наоборот, «обгоняю» моих русских, украинских коллег, писателей из других братских республик. За последние пять лет мои произведения выходили в девяносто зарубежных издательствах».

Подключения-вопросы так и сыпались. Один слушатель спросил: непонятно, что происходит в области культурного обмена между нашими странами? Когда-то у нас гастролировал ваш великолепный Большой театр, приезжали виртуозы-скрипачи, пианисты, певцы. Теперь все затормозилось. Восстановится ли прежнее положение?

Ч. Айтматов говорит уже мне, поясняя: видите, как сама жизнь часто заставляет писателя обращаться к проблемам, которые, вообще-то говоря, находятся вне его чисто художественных задач. В США я выступал как публицист, пропагандист, подчеркивая, что советская национальная политика — крупнейшая новация нашего столетия. Я принадлежу к числу откликающихся на злободневные события. Вмешиваюсь

ть размышляя, и я воздерживался от вопросов, осмысливая — уж в который раз! — необычный путь Чингиза Айтматова в жизни и литературе. Дама вот этот переход от Нью-Йорка до Фрунзе, от выступления в специальном комитете ООН до письма читательницы, а от столицы республики — до родного анла Шанер, где он только что побывал, поймав родных и знакомых...

Рассматриваю фотографии: они по-своему передают значимость писателя, его социальные и международные связи. С Луи Арагоном, Уильямом Сарояном, Ла Гумой, Микеланджело Антониони, который прилетал во Фрунзе, с Кайсыном Кулиевым, с шекерскими земляками, где копна черных волос Чингиза рельефно выделяется на фоне больших, пышных, белых головных уборов женщин. С братом Ильгизом, известным ученым, о котором писатель сказал: «Я горжусь им». Когда Ильгизу исполнилось пятнадцать лет, он, по представлению общего собрания колхоза «Джийде», был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». С Болотом Шамшиевым, его давним соратником по кинематографии. С сестрой отца Гуляйим Айтматовой. Фото — эпитафия к написанному, возможно задуманному.

Чингиза назначили секретарем сельсовета, когда ему было четырнадцать лет. «Если в детстве я познал жизнь с ее поэтической, светлой стороны, то теперь она предстала передо мной в своем суровом, обнаженном, горестном и героическом обличье. Я увидел свой народ в момент наивысшей опасности для Родины, в момент наивысшего напряжения духовных и физических сил. Я вынужден был, обязан был видеть это — я знал каждую семью на территории сельсовета, знал каждого члена семьи, знал наперечет немудреное хозяйство всех дворов. Я узнал жизнь с разных сторон, в разных ее проявлениях».

Страницы народного бытия, составившие потом повести, принесли автору всесоюзную и мировую известность. «Ран-

ры» писателя Айтматова. После толстовского «Холстомера» я не знаю другого произведения, в котором была бы с такой естественной полнотой передана извечная связь человека с животными, тянущими лямку жизни в единой упряжке. Танабай Бакасов, святой и грешный человек, что называется, прикипел к своему иноходу. И переживания выданы им полной пригоршней. И старятся одновременно, каждый по-своему, но вместе. У художника Айтматова нет человека в одиночестве; он всегда окружен природой, всегда в общении с животным и растительным миром, среди гор, рек, долин, на возделываемых полях. Он любит народные предания, легенды, песни, старинные мудрые изречения и смело вводит их в ткань повествования. И слово у него прорастает побегом мысли.

Писатель активно вторгается в духовный мир современника, подсказывает ему порой трудные решения в нравственной сфере, в общественной деятельности. Много поучительного находить для себя в повестях Айтматова люди самых различных возрастов и профессий. Вспомним, как табунщика Бакасова не пожелал принять секретарь райкома и он направился сдавать партийный билет скончавшегося коммуниста Чоро в сектор учета. Протянул его в окошко. Дали расписаться. До свидания. Окошечко захлопнулось... Формально все исполнено. А человеческое, партийное отключено начисто. Совесть не мирится с таким исходом, она не терпит такого отношения.

У Айтматова — настоящий переплет жизненных коллизий, знакомых с которыми читатель непременно задается вопросами: а я-то как поступил бы в таких случаях? А я-то кто? Как же я сам до этого не додумался? Это и есть воздействие художественного слова, о чем Айтматов говорит: «Литература должна самоотверженно нести свой крест — вторгаться в сложности жизни, с тем чтобы человек знал, любил, тревожился за все доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе. В этом я вижу истинное назначение искусства».

тельные звуки и знами. Языковые строительство завершилось лишь в январе 1941 года, когда латинизированный алфавит был заменен новым, основанным на русской графике. Писатель Айтматов вырос на этой языковой почве, оказавшейся благодатной.

Чингиз Айтматов — писатель двуязычный, в совершенстве владеющий и киргизским, и русским. «Для меня русский язык не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь». И вспоминает, как в пятилетнем возрасте перевел одному товарищу, прибывшему в аил, с киргизского на русский. И в настоящее время он предпочитает переводить сам, и многим его произведениям предпослано примечание — «Перевод автора». Ах, побольше бы таких переводов!

В творчестве писателя Айтматова заметны два потока-побратима: дописменное, устное творчество киргизского народа и русская классическая и советская литература. Возьмем первое: дело не в одном национальном колорите — им может играть, как побрякушками, и самый настоящий дилетант, набивший руку на псевдопереводах с поддунутого подстрочника. К несчастью, есть у нас переводчики, которые всю жизнь слышат таковыми, так и не изучив язык оригинала. Айтматов — образцовый переводчик, и, право, стоит писателей других национальностей, тоже владеющих русским, призвать, попросить не прибегать без особой нужды к посредникам. Правда, переводить себя — вроде бы лишний труд, но как он окупается, как ценится благодарным читателем!

Когда я спросил, чем увлечен вот сейчас, что лежит на столе, что пишется, то услышал не совсем определенное: не знаю, как точно назвать — повестью или романом, но вещь будет сложная. Обдумываю. Жду нового утра, когда мне лучше работается...

А о редакторской работе говорил свободнее, увереннее. Под его редакцией выходит эпос киргизского народа «Манас» в четырех томах — наиболее полное издание этого великого произведения. Он знал покойного Саякбая Каралаева, читавшего наизусть сотни тысяч, если не миллион строк эпоса, превосходящего по объему все известные миру эпосы, включая «Илиаду» и «Одиссею». Однажды со знаменитым сказителем «Манаса» Чингиз прибыл в колхоз, расположенный в Чуйской долине. Клуб не мог вместить всех, желающих послушать исполнителя. Решили, что Каралаев выступит прямо на улице. Слушатели расположились на земле, в кузовах грузовых автомобилей, верхом на лошадях. И вдруг нагрянувшая грозовая туча разразилась ливнем. Каралаев не прекратил своего чтения, и ни один человек не ушел: люди слушали «Манас» под проливным дождем.

А Дженижок? Поэт конца XIX века. Никогда не издавался Борец, обличитель корыстолюбивых баев, тонкий лирик, философ, защитник простого народа. В скором времени выйдет томик Дженижока (Безрукавного) под редакцией Айтматова и с его предисловием. Я попросил Чингиза Торекуловича дать несколько строк поэта, мало кому известного за пределами Киргизии. На другой день получил «Стихи, оставленные в переметной суме». Привожу их:

Вот и жизнь уж позади.
Не вернешь ее,
как реку вспять,
не вернешь.

И если на жертвенном холме,
Принеся даже верблюда
в подарок небесам,
На колени встанешь,
чтобы снова жизнь
начать —

Все равно тебя никто
не услышит.

Но не о том моя печаль...
Но велик мой
киргизский народ —

Как отменная белая
на конском лбу.

По пальцам могу пересчитать,
кто среди нас
умеет читать и писать.

Тан кому же оставлю я
Вогатство свое —
стихи в переметной суме?..

Сейчас есть кому оставить
в наследие духовное богатство!

Киргизия, до революции почти
неведомая цивилизованному
миру, считавшаяся наиболее
отсталой в отсталой Азии, создала
свою национальную культуру, тем
обогатившую общесоюзную. «Я готов
славить революцию до конца дней
своих и детям своим завещать: считать
начало дней наших — Октябрь!»

Киргизия обновленная, социалистическая, равная среди
равных — ее изображают стройной
девушкой в красной косынке,
с книгой на фоне заснеженных
гор Киргизия с неисчислимым
запасом доброго человеческого
таланта, идущая рука об руку со
всеми нами, радующая всех нас.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Николай
ХОХЛОВ

«НАЧАЛО ДНЕЙ

НАШИХ — ОКТЯБРЬ...»

Размышления о творчестве Чингиза АЙТМАТОВА

всегда — что-то поддерживая, а что-то отрицая, критикуя. Возможно, что, поступая таким образом, я возвращаюсь к журналистике — ведь это ее хлеб. Но не столь уж важно, кем меня сочтут — писателем или газетчиком, но я сказал свое слово.

Чингиз Торекулович роется в письмах, лежащих пачками на столе, выбирает один из них, только что полученное, и подает мне. Автору пишет молодая девушка. Она прочитала некоторые произведения Айтматова. Интересная читательница. Приводит такое сравнение: принимая за чтение новой вещи, всегда волнуешься — получилась ли она у писателя? Точно так же, когда идешь на новый фильм. Все вроде сулит успех: актеры подобраны хорошие, да и рецензии появились, что называется, положительные. Входишь в зал, смотришь ленту, а на душе какое-то подозрительное спокойствие. Ничто не взволновало. Неудовлетворенность. А вот в повествованиях Айтматова этого чувства нет: ждешь правды — и получаешь ее! Всегда считала себя уравновешенной, верила, что сентиментальность порой мешает. А читая вашу вещь, заплакала. Задумалась: а что оставишь детям, если жить воплотил, чувствовать — тоже, вяло возмущаться, пристроиться к обычности, смиряться с мелкой светлой будней? Разве можно забыть, что мы, ныне молодые, скоро станем старшими на этой Земле? Конеч: «Вы перевернули все в моем сознании. Теперь я все воспринимаю иначе, лучше».

Взволнованность читательницы передалась ему, и мы понимающе помолчали. Писа-

ние журавли» посвящены быню Аскару. Целенаправленный, отважный юноша Султанмурат формирует свой характер, вырабатывает нравственные принципы в тяжелые военные дни, в работе на колхозном поле, поле жизни, в пору парения ранних журавлей, поднятых народным бедствием. Опаленность войной, грохотающей вдалеке от Киргизии, но близкой, задевшей каждую семью, изумительно точно передана в повести «Лицом к лицу», «Материнское поле», «Джамия»... В аилах оставались стар да мал; их и воссоздает писатель. Фронтовики, вернувшись инвалидами и ставших председателями колхозов и сельсоветов. Так было. Суровое время подгоняло подростков, делало их не по возрасту зрелыми, взваливало на их еще неокрепшие плечи большие задачи. Воспитательное значение повестей Айтматова огромно. Лететь крыло в крыло — его выражение. Добавлю, что и сам он летит крыло в крыло с веком, с проблемами современности.

...А послужной список юного Чингиза обзаводился новыми графами: агент райфо, собиравший налоги с населения. Мученик в такой должности, в такое время. Были неприятности, когда самовольно бросил эту работу. Пошел учетчиком тракторной бригады на уборке урожая. А в 1946 году, окончив восемь классов, поступил в Джамбулский зооветтехникум. Производственную практику проходил в родном аиле. Работал зоотехником после окончания Киргизского сельскохозяйственного института. Думается, не будь ветеринара Айтматова, не было бы и повести «Прощай, Гульса-

Он говорит о трудной судьбе доброты, когда цивилизация бьет в колокола тревоги, когда расширяется и углубляется сражение за наши нравственные высоты, наши идеалы и возвышенные цели. «Боль исканий» — его слова. Он, возможно, умышленно не отметил радость поисков, да ведь это чувство знакомо каждому творцу. А вот обратная сторона — боль, страдание, переживания — доступна лишь большому художнику-мыслителю.

Он — прозаик по всей своей сути, прозаик до мозга костей. Нет, он не писал стихов, и ему не приходилось переходить из одного разряда в другой: состоит в одном — прозаик. Для него проза — средоточие художественной мысли века. Отдает дань увлеченности киносценариям, перерабатывая сам или с товарищами для экрана свои произведения, чтобы потом признать: «Проза несравненно богаче». И кино — явление сравнительно новое для республики: недавно отметили сорокалетие киргизского кинематографа.

Да что там кино: сам киргизский язык, как письменный, появился лишь после Великого Октября. Он прорастал сквозь реформы. И если кино, до появления звукового именовали «великий немой», то киргизский язык можно было отнести и великому творцу — только письменности не существовало. Грамотные киргизы — их можно было сосчитать десятками — пользовались арабским алфавитом. Распространенная до революции книга Молда Кылыча «Кысса-и-зилзала» («Повествование о землетрясении») содержала лишь четверть киргизских слов. Чтобы приблизить написание и киргизскому произношению, в алфавит вводили дополни-